Правовой режим цифровых финансовых активов и криптовалюты в составе общего имущества супругов: проблемы выявления, оценки и раздела

Кривицкая Юлия Станиславовна
старший преподаватель кафедры «Гражданское право», Донской государственный технический университет, Julia-424@yandex.ru

Актуальность теме исследования придает расширение использования цифровых финансовых активов и криптовалюты в имущественном обороте, и делая ее практически значимой, что связано со сложностью учета таких объектов разделе общего имущества супругов. Статья направлена на то, чтобы выявить особенности их правового режима, а также показать проблемы, которые появляются при обнаружении, оценке и разделе этих активов. В работе используются формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы, плюс анализ судебной практики. Результатом стал вывод о том, что нужно разграничивать технический контроль над цифровым активом и его семейно-правовую принадлежность. Для раздела предлагается дифференцированный подход: в основном в цифровых единицах, а если такой раздел невозможен – с выплатой денежной компенсации.

Ключевые слова: семейное право, цифровая валюта, криптовалюта, финансовые активы, общее имущество супругов, раздел имущества супругов, оценка цифровых активов.

Активная цифровизация имущественного оборота постепенно трансформирует и состав имущества супругов. Наряду с традиционными объектами – недвижимостью, транспортными средствами, денежными средствами, ценными бумагами и долями в капитале организаций – в состав семейных активов все чаще входят цифровые финансовые активы и цифровая валюта. Их имущественная ценность уже признается как законодателем, так и судебной практикой.

Однако применение к таким объектам норм семейного законодательства по-прежнему вызывает ряд нерешённых вопросов. Цифровая форма существования имущества, возможность его перемещения вне обычной банковской инфраструктуры, высокая скорость операций, а применительно к криптовалюте – еще и хранение активов на цифровых адресах, которые формально не содержат сведений о конкретном владельце, заметно затрудняют выявление такого имущества и его последующий раздел между супругами.

Правовой режим цифровых активов в отношениях между супругами определяется в первую очередь общими положениями семейного законодательства о совместной собственности. Согласно ст. 34 Семейного кодекса РФ, к ней относится имущество, приобретённое в период брака. Перечень такого имущества сформулирован как открытый: значение имеет не столько вид объекта и не то, на кого он оформлен, сколько время и основания его приобретения, а также источник использованных средств [2]. Данное положение дает право применять режим совместной собственности и к цифровым активам. В случае приобретения таких активов во время брака за счёт общих средств супругов и отсутствия основания для признания их личным имуществом одного из них, они могут включаться в состав общего имущества.

Важное значение для установления правовой природы криптовалюты имеет Постановление Конституционного Суда РФ № 2-П. Суд определил, что цифровая валюта обладает имущественным содержанием и может рассматриваться как «иное имущество» по смыслу ст. 128 Гражданского кодекса РФ, а отношения, связанные с ней, подлежат судебной защите. Эта правовая позиция позволяет включать криптовалюту в состав имущества, подлежащего разделу между супругами [5; 1].

При этом цифровые финансовые активы и цифровая валюта подчиняются разному правовому режиму, отличаются по порядку учета и обращения. С 1 сентября 2026 г. цифровые валюты регулирует Федеральный закон № 282-ФЗ, тогда как режим цифровых финансовых активов установлен Федеральным законом № 259-ФЗ. Эти различия прямо влияют на выявление актива, установление его принадлежности и последующий раздел.

Показательным в этом плане является постановление Арбитражного суда Поволжского округа № Ф06-3817/26 по делу № А65-22095/2023. Суд постановил, что цифровую валюту «USDT» приобрели в период брака за счет кредитных средств, которые использовались в интересах семьи, и потому не придал решающего значения тому, на кого именно открыли криптокошелек [8]. Данный пример свидетельствует о том, что при определении семейно-правового режима цифрового актива решающее значение имеют источник средств, момент его приобретения и характер использования. Формальный контроль над кошельком сам по себе данного вопроса не разрешает.

Особую сложность создают ситуации, когда криптовалюту фактически контролирует один из супругов. Сам по себе доступ к цифровому адресу еще не показывает, какой правовой режим имеет актив. Нужно установить, связан ли кошелек с конкретным супругом, когда и за счет каких средств приобрели цифровую валюту, а также какие операции с ней проводили потом. Дополнительные трудности появляются в тех случаях, когда цифровой актив неоднократно перемещался между разными адресами. Тогда проследить движение такого имущества заметно сложнее, а подтвердить его связь с конкретным супругом еще сложнее. Отдельно сохраняется проблема оценки: стоимость криптовалюты за короткий период может существенно меняться, и из-за этого непросто определить справедливый денежный эквивалент при разделе.

Для установления правового режима цифрового имущества супругов нужно разграничивать цифровые финансовые активы и цифровую валюту. Формальное сходство этих терминов не означает тождества их правовой природы. Указанные объекты возникают по-разному, по-разному учитываются и обращаются, и это прямо влияет на их квалификацию в имущественных отношениях супругов.

Цифровую валюту действующее законодательство рассматривает как имущество, которое существует в форме электронных данных в информационной системе и может использоваться для расчетов либо инвестирования при отсутствии лица, несущего обязательство перед каждым ее владельцем [4]. Для режима имущества супругов это имеет прямое значение, поскольку законодатель связывает цифровую валюту не с обязательственным требованием к определенному субъекту, а с особым видом имущественного объекта.

Цифровые финансовые активы имеют иную правовую и технологическую конструкцию. Они опосредуют формализованные цифровые права, а их выпуск и учет осуществляются в специально предусмотренной информационной системе. Иными словами, в данном случае речь идет не просто об электронных данных, обладающих имущественной ценностью, а о цифровой форме фиксации конкретных прав.

Переход к новому регулированию идет поэтапно. Положения Федерального закона № 259-ФЗ сохраняют действие в отношении отдельных ранее созданных информационных систем в течение установленного переходного периода [3], тогда как Федеральный закон № 282-ФЗ закрепляет новую модель организации обращения и учета цифровых валют и цифровых прав [4].

Существующие различия между рассматриваемыми объектами имеют важное практическое значение в регулировании семейного права. Говоря о цифровых правах и других активах, имеющих учет в информационно-цифровой сфере, акцентируем внимание на том, что они отличаются большей формальной определенностью: закон закрепляет их учет по цифровым счетам, и это упрощает установление самого актива, а также его принадлежности конкретному лицу [4]. Что касается криптовалюты, установление такой принадлежности нередко затруднено, поскольку фактическая возможность распоряжения соответствующим активом обусловлена доступом к адресу-идентификатору и связанным с ним средствам управления.

Технологические различия сами по себе не изменяют общего семейно-правового подхода. Если цифровой актив приобретен супругами в период брака за счет общих средств, он подлежит отнесению к их совместной собственности в соответствии со ст. 34 Семейного кодекса РФ. Определяющее значение в данном случае имеют не техническая форма имущества и не то, на имя кого из супругов оформлена соответствующая учетная запись, а момент приобретения и источник средств. И напротив, согласно ст. 36 Семейного кодекса РФ, цифровой актив, приобретенный до заключения брака, полученный по безвозмездной сделке либо приобретенный за счет личного имущества одного из супругов, при наличии надлежащих доказательств может быть признан его личной собственностью [2].

Применительно к цифровым активам целесообразно разграничивать технический контроль над объектом и его семейно-правовую принадлежность. Само по себе наличие у одного из супругов доступа к криптокошельку, цифровому счету или иному средству распоряжения активом не дает достаточных оснований считать такое имущество его личной собственностью. Семейно-правовой режим в данном случае определяется прежде всего обстоятельствами приобретения актива и источником средств, которые использовались для его получения.

Одной из наиболее сложных проблем при разделе цифровых активов остается установление самого факта их существования и принадлежности одному из супругов. В отношении традиционного имущества суд, как правило, может запросить сведения из государственных реестров, кредитных организаций и иных учетных систем. Применительно к цифровой валюте такая возможность зависит от способа ее приобретения и хранения. Если операции проходили через регулируемого посредника, цифровой депозитарий или учреждение, которое занимается обменом цифровых валют, то они должны хранить сведения о клиенте, цифровых счетах, адресах-идентификаторах и совершенных операциях в течение срока, установленного законом [4].

Новое регулирование в определенной степени расширяет процессуальные возможности выявления таких активов. Несмотря на режим конфиденциальности, организация, осуществляющая обмен цифровых валют, по требованию или запросу суда обязана предоставить сведения о контрагентах, цифровых счетах, адресах-идентификаторах, а также о сделках и операциях с цифровыми валютами, кроме ключей доступа к адресам-идентификаторам [4].

Для споров о разделе имущества это особенно важно: суд получает возможность установить не только наличие цифрового актива, но и историю операций с ним. Но эта модель проблему полностью не снимает. Если цифровая валюта хранится вне регулируемой инфраструктуры или ее перевели на иной адрес, само обнаружение записи в распределенном реестре еще не доказывает, что актив принадлежит конкретному супругу. В такой ситуации суду нужно оценивать совокупность обстоятельств: движение денежных средств со счетов супруга на приобретение криптовалюты, сведения с криптовалютных платформ, историю операций по цифровому адресу, переписку, данные об использовании соответствующих сервисов и иные сведения, которые позволяют связать конкретный актив с определенным лицом. Здесь значение имеет не одно доказательство, а их взаимная согласованность.

Также важно разграничивать доказывание фактического контроля над цифровым активом и установление его семейно-правового режима. Даже если суд установит, что криптокошельком единолично пользовался один из супругов, это само по себе еще не подтверждает личный характер находившегося на нем актива. Судебная практика показывает другое: оформление имущества на одного супруга или его техническая возможность единолично распоряжаться им не исключают режим совместной собственности, если имущество приобрели в период брака за счет общих средств. Этот подход отражен и в упомянутом выше деле № А65-22095/2023, где суд признал юридически несущественным, на кого из супругов был открыт криптокошелек, поскольку цифровую валюту приобрели за счет средств, которые суды отнесли к общей имущественной сфере семьи [8].

Особую сложность создают ситуации, когда один из супругов переводит цифровую валюту на другой адрес или отчуждает ее уже в период возникновения семейного конфликта [10, с. 219]. Само выбытие цифрового актива не должно автоматически исключать его стоимость из имущественной массы, которая подлежит разделу.

Судебная практика по делам о разделе имущества супругов последовательно исходит из другого подхода. Суд учитывает не только то имущество, которое имеется у супругов на момент рассмотрения дела, но в определенных обстоятельствах и то имущество, которым один из супругов распорядился вопреки интересам семьи [6; 9, с. 490]. Для цифровых активов это имеет особое значение. Причины простые. Такие активы можно быстро перемещать и неоднократно переводить между разными адресами.

Отдельная проблема при разделе цифровых активов – это определение их стоимости. Судебная практика придерживается устоявшегося подхода: стоимость имущества, которое подлежит разделу между супругами, суд определяет на время рассмотрения дела [6; 7]. Применительно к криптовалюте это правило работает сложнее. Цена такого актива из-за высокой волатильности может заметно различаться на момент приобретения, подачи иска, проведения оценки и вынесения решения.

В этой связи решающее значение получает уже сам способ раздела. Если цифровой актив можно технически переместить между адресами или счетами, а его количество достоверно установлено, суду логичнее делить между супругами не абстрактную стоимость, а соответствующее количество цифровых единиц пропорционально тем долям, которые он определил. Такой вариант снижает влияние курсовых колебаний. После раздела каждый из супругов сам несет риск того, что стоимость принадлежащего ему актива потом изменится. Результат неоднозначен. Но тут это работает лучше.

Если раздел цифрового актива в натуре невозможен либо фактический контроль над ним сохраняет один из супругов, суд может передать такой актив ему с присуждением другому супругу денежной компенсации по правилам ст. 38 Семейного кодекса РФ. В этой ситуации особенно важно определить стоимость актива максимально близко к моменту разрешения спора, поскольку существенно устаревшая оценка может привести к несоразмерности присуждаемой компенсации. Общий подход Верховного Суда тоже исходит из того, что при разделе имущества нужно учитывать его актуальную стоимость [2; 6].

Таким образом, цифровые финансовые активы и криптовалюта могут входить в состав общего имущества супругов, если для этого есть основания, предусмотренные семейным законодательством. Основные трудности возникают не на стадии признания их имущественной природы, а при выявлении таких активов, доказывании их принадлежности, оценке и выборе способа раздела. Технический контроль над цифровым активом сам по себе не равен его семейно-правовой принадлежности. Если доказано, что цифровой актив приобрели в период брака за счет общих средств, к нему нужно применять режим ст. 34 Семейного кодекса РФ. Для раздела здесь более уместен дифференцированный подход: при технической возможности актив делят в цифровых единицах, а при невозможности передают одному супругу с выплатой компенсации другому.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. 23.03.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 1. – Ст. 16.
3. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 31 (ч. I). – Ст. 5018.
4. О цифровых валютах и цифровых правах: Федеральный закон от 4 августа 2026 г. № 282-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2026. – № 32. – Ст. 4479.
5. По делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Тимченко Дмитрия Игоревича: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 января 2026 г. № 2-П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2026. – № 4. – Ст. 372.
6. О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 г. № 15 (ред. от 06.02.2007) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1999. – № 1.
7. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2019): утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 24 апреля 2019 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2019. – № 10.
8. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 1 сентября 2026 г. № Ф06-3817/26 по делу № А65-22095/2023 [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система «ГАРАНТ». – Режим доступа: https://base.garant.ru/39437936/ (дата обращения: 17.09.2026).
9. Коробов, И. А. Особенности имущественных отношений супругов в цифровом обществе / И. А. Коробов // Образование и право. – 2026. – № 2. – С. 489-492.
10. Цветков, Н. А. Особенности доказывания права собственности на криптовалюту одного из супругов / Н. А. Цветков // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. – 2026. – № 2 (86). – С. 217-223.

The Legal Regime of Digital Financial Assets and Cryptocurrency within the Joint Property of Spouses: Issues of Identification, Valuation, and Division

Krivitskaya Ju.S.
Don State Technical University

The research topic is rendered timely and practically significant by the expanding use of digital financial assets and cryptocurrency in property transactions, a trend complicated by the challenges of accounting for such assets during the division of marital property. The article aims to identify the specific features of their legal status and to highlight the challenges associated with their discovery, valuation, and division. The study employs formal-legal, systemic, and comparative-legal methods, alongside an analysis of judicial practice. The resulting conclusion is that a distinction must be drawn between technical control over a digital asset and its ownership status under family law. A differentiated approach to asset division is proposed: primarily a division in kind (in digital units), or, where such division is not feasible, the payment of monetary compensation.

Keywords: family law, digital currency, cryptocurrency, financial assets, marital property, division of marital property, valuation of digital assets.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One): Federal Law No. 51-FZ dated November 30, 1994 (as amended on June 10, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1994. – No. 32. – Art. 3301.
2. Family Code of the Russian Federation: Federal Law No. 223-FZ dated December 29, 1995 (as amended on March 23, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 1. – Art. 16.
3. On Digital Financial Assets, Digital Currency, and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law No. 259-FZ of July 31, 2020 (as amended on August 4, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2020. – No. 31 (Part I). – Art. 5018.
4. On Digital Currencies and Digital Rights: Federal Law No. 282-FZ of August 4, 2026 // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2026. – No. 32. – Art. 4479.
5. Case on the review of the constitutionality of Part 6 of Article 14 of the Federal Law "On Digital Financial Assets, Digital Currency, and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" in connection with the complaint of citizen Dmitry Igorevich Timchenko: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 2-P dated January 20, 2026 // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2026. – No. 4. – Item 372.
6. On the application of legislation by courts in cases concerning the dissolution of marriage: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 15 dated November 5, 1998 (as amended on February 6, 2007) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 1999. – No. 1.
7. Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2019): approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on April 24, 2019 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2019. – No. 10.
8. Resolution of the Arbitration Court of the Volga District dated September 1, 2026, No. F06-3817/26 in Case No. A65-22095/2023 [Electronic resource] // «GARANT» Legal Information System. – Access mode: https://base.garant.ru/39437936/ (accessed: 17.09.2026).
9. Korobov, I. A. Specifics of Spouses' Property Relations in a Digital Society / I. A. Korobov // Education and Law. – 2026. – No. 2. – P. 489-492.
10. Tsvetkov, N. A. Specifics of Proving Ownership of Cryptocurrency Belonging to One of the Spouses / N. A. Tsvetkov // Bulletin of Tver State University. Series: Law. – 2026. – No. 2 (86). – P. 217-223.